

Попова Светлана Владимировна

доцент кафедры социальной философии
и этнологии
Северо-Кавказского Федерального университета

СООТНОШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В ДУХОВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация:

В статье анализируются особенности и специфика рационального и иррационального компонентов духовной идентичности. Раскрывается ценность идеи «сердца» для современной реальности и русской культуры, в частности. Дается характеристика «духовного сердца», как субстрата, на основе которого формируется и функционирует духовная идентичность человека.

Ключевые слова:

духовная идентичность, духовное сердце, ум, разум, рациональное, иррациональное, высшее «Я», современная реальность, ценность, культура.

Popova Svetlana Vladimirovna

Assistant Professor, Social Philosophy
and Ethnology Department,
North Caucasus Federal University

RATIONAL AND IRRATIONAL IN THE SPIRITUAL IDENTITY OF A PERSON

Summary:

The article deals with the specificity of rational and irrational components of the spiritual identity. The author reveals an idea of the heart for the modern reality and Russian culture in particular. The research describes a spiritual heart as a substance, on the basis of which the spiritual identity of a person forms and functions.

Keywords:

spiritual identity, spiritual heart, mind, intellect, rational, irrational, Higher Self, modern reality, value, culture.

Духовность является своеобразным пространством, имеющим свою глубину и протяженность, выход за которое может быть чреват для человека кризисом. Это подтверждается современной общемировой и российской действительностью, где происходит девальвация духовных ценностей, порожденная трансформацией критериев добра и зла, справедливого и не справедливого. Отсюда изучение сущности и специфики духовной идентичности является в настоящее время особенно актуальным. Духовность, как проявление идентичности в человеке, есть особая модель отношения индивида к себе, к Другому, к обществу и природе; это личностное начало, основанное на ценностях Истины, Добра, Красоты, являющееся необходимым условием полноценного, гармоничного бытия индивида в мире.

К сожалению, духовность часто соотносят только с нравственностью и эстетикой. Кроме того, та дифференциация внутренней структуры человека, которая бытовала в западной культуре, – на душу, ум и тело, безусловно, правомерна, но она оказывалась непродуктивной, поскольку упускала как раз тот уровень, который выступает регулятором отношений всех других уровней, а именно – «духовное сердце».

Для целостного понимания «духовной идентичности» мы считаем необходимым ввести в научный оборот категорию «духовное сердце», под которым подразумеваем не физический орган человека, а его духовное начало, духовный центр.

«Духовное сердце» или высшее «Я» является субстратом, на основе которого формируется и функционирует духовная идентичность. Это средоточие бесконечности, именно оно обладает способностью работать, взаимодействовать со всеми уровнями и сторонами бытия, в том числе и с теми, которые не подвластны уму, и тем самым порождает возможность реализации принципа единства в многообразии. Его освоение оборачивается вхождением человека в измерение бесконечности, что в конечном итоге делает духовное сердце высочайшей из всех возможных истин, истиной вселенского всеединства [1, с. 5].

Существуют некие неписанные законы жизни, которые вложены в сердце каждого человека. Об этом говорил еще Лао Цзы, утверждавший, что для познания законов мира можно не покидать лишь своей деревни, а для познания законов жизни – можно не покидать и своей комнаты: «Не выходя со двора, знает, что в мире творится. Не выглядывая в окно, видит путь Неба» [2, с. 39].

Духовная идентичность и ее основа – духовное сердце, с нашей точки зрения, имеет рационально-иррациональную природу. Взаимосвязь рационального и иррационального, в частности, рассматривал А. Маслоу, который под последним понимал преимущественно чувственное, выделяя в последнем «больные» и «здоровые» чувства. С его точки зрения, только при слиянии и взаимодополнении здоровой фантазии и рациональности можно говорить об инте-

гированной личности, которая должна быть в согласии, как со своей логикой, так и со своими чувствами [3, с. 102–103].

Несколько иное понимание иррационального демонстрирует К. Леви-Строс, который его рассматривает в виде «чувственных образов», имеющих собственную логику. Поэтому иррациональное не может рассматриваться как нелогическое и выводится за пределы непосредственно чувственного [4, с. 33]. Образное восприятие, характерное для иррационального, позволяет обнаружить его специфическую целостность по сравнению с рациональным, для которого характерна фрагментарность.

Иррациональное имеет иной онтологический статус бытия, чем рациональное. Одному понятию можно без труда противопоставить другое, поскольку они есть лишь формы, структуры внешних тел и объектов. Другое дело иррациональная реальность, которая не пересажена на нейтральный для нее материал, как понятие (форма вещи вне вещи), она имманентна и естественна, способствует снятию противопоставления объективного и субъективного.

Рассуждая о соотношении рационального и иррационального применительно к нашей теме, необходимо различить два понятия, имеющих рациональную природу – «ум» и «разум». Под умом будем понимать рассудочную, дискурсивную способность человеческого мышления, функция которого – дифференцировать, разделять, мерить, измерять, сравнивать. Человеческий ум фрагментарен и нацелен на противопоставление и расчленение. В то же время «разум» тесно связан и соотносится с «духовным сердцем», он представляет собой высшую и развивающуюся способность мышления и воплощает интенцию к мудрости. Поскольку духовности для своего осуществления необходимо участие как разумного, так и чувственного начал, постольку духовная идентичность имеет рационально-иррациональную природу. Именно через духовное сердце возможно осуществление синтеза рационального (разума) и иррационального (чувственного). Неотделимость материи от формы, их имманентность друг другу объясняют целостность и пластичность духовной реальности, сосредоточенной в духовном сердце, причем первичным в определении формы здесь является чувство, наполняющее мысль живым содержанием. Рациональное и иррациональное в духовном сердце находятся в диалектически противоречивом единстве, причем рациональное – это нечто исчисляемое, конечное, а иррациональное – бесконечное, неисчисляемое.

Механизмом, на основе которого функционирует духовная идентичность личности, является, с нашей точки зрения, «сердечное созерцание», в том смысле, в котором его понимал И.А. Ильин. Оно есть вчувствование «в самую сущность вещей»; сосредоточенное вживание, движимое духовной любовью к «любимому духовному предмету», «тотальное вживание в любое жизненное содержание» и культурно-творческое его претворение [5, с. 543]. Собирая, вбирая в себя иное, человек становится самим собой. Процесс осуществления отождествления достаточно ярко представлен и К.Г. Чинмой, который отмечает, что осуществление отождествления достигается в результате непрекращающихся попыток достичь цель, и оно возможно на основе интеграции познавательной и этической природы человека. Отождествление – это не только познавательный акт, но и нравственно-психологическое упражнение. Здесь, чтобы что-то узнать, нужно измениться – стать лучше, чище, добрее, сострадательнее. Исходя из этого, К.Г. Чинмой предлагает культивировать нравственные качества, в первую очередь такие, как простота, искренность, чистота и смирение. Качество смирения трактуется им как полное подчинение всего существа диктату высшего «Я». Именно в такого рода смирении происходит интеграция всех инструментов в его идентичность и цель [6]. По этому поводу позиция К.Г. Чинмой вполне совпадает с позицией Фихте: «И только к искусившемуся в послушании приходит любовь» [7, с. 13].

Как ни парадоксально, личность обретает свою уникальность, универсализируясь. Чувство вселенского всеединства, ощущение связанности всего со всем есть признак обретения человеком измерения бесконечности.

Человек есть единственная конечная форма жизни, которая, не теряя своей сущностной определенности, получает возможность бесконечного саморазвития. Последнее выступает в качестве поиска своей идентичности через выход за пределы сложившейся самоидентичности во все более и более широкую сферу, где она получает свое стремящееся к максимальной полноте проявление и осуществление. Нацеленный поиск предполагает адекватное постижение подлинной сущности себя и объектов мира. Такое постижение может происходить только через полное снятие противопоставления субъекта и объекта.

В совпадении субъекта и объекта Фихте находил единственную возможность достичь самоосознания. Шеллинг считал полную их нерасчлененность принципом наивысшей значимости [8, с. 130]. В снятии объективирующего подхода видел единственный способ для человека выйти к реальности Уайтхед [9, с. 44]. М. Бубер, рассматривая связь отождествления как связь, осуществляемую по типу «Я-Ты», называл ее действительной жизнью и указывал на такую ее

особенность, как явленность абсолютного [10, с. 592]. Можно отметить также мысль Гете о том, что каждая вещь является окном в бесконечность, но она таковой становится только через отождествление [11].

Как разум, так и «сердце» стремятся к безусловному, совершенному: «сердце» – к идеалу, бесконечному, а разум – к самодостаточному предельному началу, содержащему в себе «основание собственного бытия», являющегося «самообоснованным и самообусловленным». Оба вектора этих устремлений объединяются в «духовном созерцании, в *высшей инстанции умозрения и понимания*». Такое стремление «сердца» и разума объясняется выходом субъекта «за пределы внешней природы и собственной чувственности, всего эмпирического материала», укоренением в «*предельном основании*», «чтобы, исходя из него, преобразовать существующую реальность согласно императивам *должного*» [12, с. 13].

Как подлинный центр, «духовное сердце» является объединяющим, интегрирующим началом, организатором единства и целостности человека, его внутренней и внешней жизни, этической и разумной природы. Поскольку данный термин есть структура, обращенная одновременно и к центру, и к периферии, в нем происходит не только интеграция, объединение противоборствующих субстанций (внутреннего и внешнего, идеального и материального), но и преодоление сложившихся границ сознания как в горизонтальном (всеобщем, универсальном), так и в вертикальном (трансцендентальном) направлениях. Отсюда, последнее становится имманентным сознанию благодаря сердцу. Трансцендентальное доступно не раздельности и обособленности, а единству – тому, что сообразно его природе.

В русском общественном сознании специфика соотношения рационального и иррационального может быть обнаружена, в частности, в рамках дихотомии «правда-кривда». В «правде» заложена высшая нравственная, духовная истина, а в «кривде» – иллюзорная, ложная истина. Оба понятия взаимосвязаны друг с другом, так как нельзя достичь правды, не преодолев кривду. «В русском сознании иррациональное выполняет функцию “подготовки души” к восприятию высшей нравственной правды <...> эта подготовка предполагает, кроме прочего, нравственный подвиг покаяния, который не подлежит вербальному выражению, но в результате которого человек обретает свое высшее состояние» [13, с. 155–156]. Отсюда рациональное, как нечто конечное и фрагментарное, может быть отнесено скорее к «кривде», а иррациональное как бесконечное и целостное – к «правде».

А.С. Пушкин, как никто другой до него, видел и чувствовал суть России: «Он видел ее по-русски. А видеть по-русски – значит видеть сердцем» [14, с. 57]. Особенности русской культуры проясняют идеи И.А. Ильина, который подчеркивал, что «русская идея – есть идея сердца. Сердца, созерцающего *свободно и предметно* и передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности» [15, с. 420].

«Духовное сердце» является источником духовной любви и творческого созерцания, однако для современного мира характерно пренебрежительное отношение к сердцу и противопоставление его уму. Это связано с господством представлений о человеке как «вещи среди вещей» и «тела среди тел», более того упоминание о «сердце» в философии и психологии ныне считается дурным тоном. Однако мышление без сердца, в конечном счете, машинообразно и цинично. Человек, душевно расколотый и нецельный – есть несчастный человек.

Целостное, интегральное существование человека предполагает взаимосвязь, взаимодействие рационального и иррационального, разума и сердца. Ум до сих пор был основным инструментом, который использовал человек для познания мира. Учась жить в сердце, индивид не отказывается от ума, а берет его под контроль, поддерживая в совершенном равновесии. Когда мы находимся в мире «духовного сердца» – наш ум просветляется, в этот момент он выходит за пределы своих ограничений и поднимается на более высокий уровень существования.

Через разделение человечество идет особым путем познания, представляя мир как некое множество обособленных сущностей, реализуя тем самым принцип многообразия единства. Разделение – это тоже реальность, но неокончательная. С подлинной реальностью мы будем иметь дело тогда, когда принцип многообразия единства будет дополнен принципом единства многообразия. Это связано с развитием другого, более высокого плана сознания, каковым является духовное сердце.

Таким образом, основой духовной идентичности является «духовное сердце», которое представляет собой интегрирующее начало всех уровней существования человека. Ее формирование предполагает вхождение убеждений духовного сердца в ум, трансформируя его в разум, который во всей своей активности должен повести к совершенству два «младших» уровня – витал и тело. Трансформационные требования эволюции к уму – это требования преобразования его светом мудрости сердца, а именно его аспектами широты и единства. Ум в новом своем каче-

стве будет продолжать добывать знание многообразия единства, но он не пользуется отныне им по своему усмотрению, а транспортирует его в вышестоящую «инстанцию» – духовное сердце, в котором совершается синтез единства мира и человека, а затем снова включается в работу – по проявлению этого синтеза вовне. При этом приоритет сердца подразумевает структуру, которая интегрирует в себя все другие уровни, включая ум.

Ссылки:

1. Попова С.В. Трансформация аксиосферы культуры в условиях современного общества // Истор., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение: вопр. теории и практики: в 2 ч. Тамбов, 2013. Ч. II. № 7 (33).
2. Лао Цзы. Дао Дэ Цзин («Книга пути и благодати»). М., 2002.
3. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1999.
4. Структурализм К. Леви-Стросса и проблема гуманизма // Франц. филос. сегодня: анализ немарксистских концепций / редкол.: М.Н. Грецкий, Н. Автономова, Л. Филиппов и другие. М., 1989.
5. Ильин И.А. Путь к очевидности // Собр. соч. в 10 т. М., 1994. Т. 3.
6. Chinmoy S. Sound and silence. N.Y., 1982.
7. См.: Гайденок П. Парадоксы свободы в учении Фихте. М., 1990.
8. См.: Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М., 1986.
9. См.: Рассел Б. Мудрость Запада. М., 1998.
10. Бубер М. Я и Ты: два образа веры. М., 1999.
11. См.: Свасьян К.А. Иоганн Вольфганг Гете. М., 1989.
12. Гончаров С.З. Почему совершился творческий универсум классической русской культуры? // Рус. филос. как ценностная основа воспитания духовности и субъектности личности: сб. науч. ст. VI Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2009.
13. Кущенко С.В. Соотношение рационального и иррационального в общественном сознании (философско-методологический анализ): дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 2008.
14. Цит. по: Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Одинокий художник. М., 1993.
15. Ильин И.А. Наши задачи: в 2 т. М., 1992. Т. 1.

References:

1. Popova, SV 2013, 'Transformation axiosphere culture in contemporary society', *Hist., Philosophy., Watered. and legal. science, cultural studies and art history: the q. Theory and Practice*, in 2 parts, Tambov, part II, no. 7 (33).
2. Lao Tzu 2002, *Tao Te Ching ("The Book and the way of grace")*, Moscow.
3. Maslow, A 1999, *Long limits of the human psyche*, St. Petersburg.
4. 'Structuralism of Levi-Strauss and the problem of humanism' 1989, *Franz. Philosophy. Today: analysis of non-Marxist concepts*, Moscow.
5. Ilyin, IA 1994, 'Path to the evidence', *Coll. Op.*, in 10 vols, Moscow, vol. 3.
6. Chinmoy, S 1982, *Sound and silence*, New York.
7. See: Gaidenko, P 1990, *Paradoxes of freedom in the teaching of Fichte*, Moscow.
8. See: Guliga, AV 1986, *German classical philosophy*, Moscow.
9. See: Russell, B 1998, *Wisdom of the West*, Moscow.
10. Buber, M 1999, *I and You: Two Visions of Faith*, Moscow.
11. See: Svasyan, KA 1989, *Johann Wolfgang von Goethe*, Moscow.
12. Goncharov, SZ 2009, 'Why made a creative universe of classical Russian culture?', *Eng. Philosophy. education as a value basis of spirituality and individual subjectivity: Sat scientific. Art. VI All-Russia. scientific-practical. conf.*, Ekaterinburg.
13. Kushchenko, SV 2008, *Rational and irrational in the public consciousness (the philosophical and methodological analysis)*, D. Phil. thesis, Novosibirsk.
14. Quoted. by: Ilyin, IA 1993, 'Prophetic calling Pushkin', *Single artist*, Moscow.
15. Ilyin, IA 1992, *Our task*, in 2 vols, Moscow, vol. 1.